

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛАСТ В ИЕРУСАЛИМСКОМ ТЕКСТЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Д.РУБИНОЙ «ВОТ ИДЕТ МЕССИЯ!...» И «ИЕРУСАЛИМЦЫ»

В статье речь идёт о неотъемлемом элементе иерусалимского текста в произведениях Д. Рубиной – их мифологической составной. Мифология Иерусалима влияет на поведение и мировоззрение всех представляемых автором персонажей. Мифологизированные пейзажи и образы тех, кто считает себя Мессиями, цитаты из древнееврейских источников, мифологемы как бы центрируют весь этот текст на идее пришествия Машиаха, придают ему статус мифа.

Ключевые слова: иерусалимский текст, городской текст, Дина Рубина, мифологический пласт.

Согласно мнению Ю.Лотмана, следует выделять две главные сферы городской семиотики: город как пространство и город как имя [1: 320]. В своей работе «Отзвуки концепции „Москва – Третий Рим” в идеологии Петра Первого» [2] Ю.М.Лотман и Б.А.Успенский подробно пишут о том, что возникновение любого города сопровождаются легенды и мифы, впоследствии образующие мифологию города, которая абсорбирует и элементы истории. Мифология города – органическая составная его текста, который актуализируется в разных произведениях как одного, так и многих авторов. Так, скажем, мифологию Петербурга в многочисленных вариантах её воплощения мы можем найти и у А.Пушкина, и у Н.Гоголя, и у Ф.Достоевского, и у Т.Толстой, и всегда она отсылает к «идее» («концепту») создания города и к его демиургу.

Иначе, как нам представляется, обстоит дело с Иерусалимом. В иерусалимском тексте, представленном в произведениях Д.Рубиной «Вот идет Мессия!...» и «Иерусалимцы», мифологический пласт содержательно связан не с основанием города, а, прежде всего, с иудейской мифологией, в частности, с мифологическим образом Мессии и с мессианством.

Как отмечает в своей диссертации «Мифопоэтика иноэтнокультурного текста в русской прозе XX-XXI вв.» Э.Ф.Шафранская, «в утопическом метасюжете еврейской словесности Мессия – главный образ мессианского процесса – выступает не только как спаситель, но и заступник (каковым он предстает в сюжете о „кровоавом навете”, о Големе). Как в советской мифологии человек „чистил себя под Лениным”, так в еврейской – под Мессией» [3: 12].

В своей работе исследовательница, анализируя концепт Мессии (Машиаха) и мессианства как национальной мифологемы еврейской словесности, отраженной в прозе Д.Рубиной, пишет: «Появление этого мотива в прозе писателя связано с ее израильским периодом жизни и творчества. Именно в это время появляются и другие мотивы, сопряженные с национально-когнитивной картиной мира евреев. Сюжет и заглавие „первого

национального израильского” романа Рубиной „Вот идет Мессия!” построены на историко-мифологическом метатексте концепта Мессии в современной иудаике. Узловые положения его таковы: версия о двух Мессиях – гибнущем и торжествующем (С.С. Аверинцев); рассмотрение Мессии не как личности, а как процесса, разворачивающегося в истории (К. Агтас, Э. Бенбесса); с одной стороны, Мессия – тот, от кого не следует ждать чудес, с другой – он наделен сверхъестественными способностями (С.С. Аверинцев); все евреи (в разной степени) ждут прихода Мессии. Спектр звучания мотива Мессии у Рубиной многогранен: комический, трагический, мистический, мифологический и индивидуально-авторский, нравственно-моралистический. Последний смысл заложен в названии: Мессия не придет (такова семантика мифологемы ожидания Мессии), а идет: он уже среди нас, проблема в том, как распознать его» [3: 14-15].

В одном из эпизодов романа «Вот идет Мессия!...» можно прочесть, как некий Витя встречается «Мессию», который оказывается сумасшедшим:

«Витя не сразу испугался. Вначале он решил, что это заблудший клиент престижного салона „Белые ноги”. Поэтому приветливо проговорил на иврите:

– Эй, приятель! Ты слегка припозднился. Блядям тоже покой нужен.

На что странный тип, не отрывая пристального взгляда от Витино го живота, проговорил вдруг по-русски негромко, внятно и страстно:

– Сын человеческий!

Так, подумал Витя. Прелестно. Вот идет Машиах...

– Я послан к сынам Исраэля, к коленам непокорным... – продолжал тот наизусть, – речей их не убоюсь и лиц их не утрашусь, ибо они – дом мятежных...

Витя и тут все еще не испугался. Имелся у них с Зимой кое-какой опыт по очистке помещений от Мессий.

– Что вам, собственно, угодно? – необычайно деликатно спросил Витя.

– Мне? Посцать, – сказал Машиах вежливо. – Пусти меня, сын человеческий! Я вижу цель свою за твоей спиной» [4: 357-358].

Вся эта сцена с завершающей ее сниженного плана репликой носит комический характер, однако её финал более чем трагичен: сумасшедший, войдя в помещение редакции, там затем покончил с собой.

Автор пишет, что помимо упомянуто выше сумасшедшего неоднократно появились и другие «Мессии», навещавшие редакцию «Полдня»:

«Двое из них были в образе авторов и даже с рукописями в папках, а один – всклокоченный, с блуждающим темным взором, рванул дверь и рыдающим голосом спрашивал – не пробегала ли здесь молодая ослица, не знающая седла. И повторял жалобно: „Белая такая, беленькая, славная...”» [4: 37].

Д.Рубина несколько раз упоминает о сумасшедшем нищем Мустафе, который поет о скором приходе Мессии. Она пишет, что «на автобусной линии Иерусалим – Тель-Авив живет сумасшедший бродяга в вязаной шапочке, про Машиаха поет. Всю дорогу бегаёт по автобусу и боится только одного – что его высадят. Все тот же ужас бездны, клубящейся под ногами» [4: 148].

Среди многочисленных второстепенных персонажей романа писательницы появляется даже мать Машиаха (тоже, конечно, сумасшедшая) и целый ряд самых разнообразных героев, которые выдают себя за Мессий или ими себя мыслят. Они не похожи один

на другого. И это отнюдь не случайно. Как отмечает Э.Ф. Шафранская, «среди многочисленных «мессий» в рубинской прозе присутствуют такие, аналогами которых в христианской культуре являются юродивые, в мусульманской – дервиши, а в иудаистической – род „странных” людей, которых именуют то шлемилами, то мешугами/мешугинерами. Медиевист М.А.Кравцов объясняет эти параллели расцветом в различных конфессиях мистических течений – исихазма, йоги, суфизма. Аналог юродивого в иудаизме – скорее всего, хасид, представитель религиозно-мистического движения, сущность которого заключалась в некоем „религиозном пантеизме” (В.Л. Вихнович). Персонажами, архетипичными и юродивому, и хасиду, населено пространство романа Рубиной „Вот идет Мессия!”. Их образы окрашены как сакральным звучанием, не лишенным религиозно-моралистического пафоса, так и комическим: например, в сценах, где почти нескончаемым потоком являются самозванцы-Мессии, искренне верящие в свое предназначение. Повторяемость, ритмичность и схожесть друг с другом этих сцен рождают комический эффект. В многозвучном мессианском спектре есть доля авторской иронической игры, в глубине которой заперта (чтобы не выглядеть пафосной) морально-этическая позиция писателя: „А не перенести ли действие на канун Судного дня? Или наоборот – на вечер Судного дня”, то есть в сущности – не все ли равно? Куда важнее сделать гуманистическую позицию внутренним законом, чтобы не трепетать в канун Судного дня, отстаивая многочасовой молебен, гадая, какой приговор будет вынесен тебе» [3: 15].

Мессианская тема в романе Д.Рубиной «Вот идет Мессия!...» часто звучит в диалогах героев, а также присутствует в их внутренней речи. Герои нередко думают о Мессии и цитируют фрагменты из ТАНАХа. Например, во время встречи с Зямой Сема Бампер говорит:

«– Понимаешь, мне по гороскопу положена в скором будущем одна величайшая международная премия в области изобразительного искусства. Мне ее сперва получить надо, а потом уж... Вообще же Машиах... – Сема остро глянул на нее из-под колючей брови, и она вовремя сделала преданное лицо: все-таки, он угощал. – С этим, видишь ли, не все так просто... Ведь Машиахом могут стать некоторые из нас, пути не заказаны. В конце концов, в еврейской традиции, то есть в источнике, Машиах – вполне телесный, реальный человек, полный сил и радости. В ТАНАХе сказано: „Говорил Давид: буду веселиться я пред Господом”. А еще сказано: „И Давид плясал изо всех сил пред Господом; а опоясан был Давид льняным эйфодом”. Так что вот, живешь ты, живешь... и вдруг ощущаешь в себе концентрацию неких мощных сил... Так что опрощать не стоит... Ибо Машиах – это... – Он пристально и многозначительно рассматривал столбик пепла на сигарете.

– Это ты? – кротко догадалась его собеседница. Сема запнулся, внимательно поглядел на нее, что-то прикидывая в уме, и наконец проговорил:

– Помолчим пока об этом...» [4: 10-11].

В другом эпизоде романа, повествующем о том, как принявший иудаизм и нареченный именем Ури Бар-Ханина Юрий Баранов читал по покойной бабушке Бори кадиш, встречаем включающую прямую цитату из древнего текста и произносимую героем на древнееврейском молитву: «„Да возвысится и освятится Его великое имя в мире, сотворенном по воле Его; и да установит Он царскую власть свою; и да возрастит Он спасение; и да приблизит Он приход Машиаха своего. Амен!..”» [4: 159].

Прямые или косвенные, данные в пересказе или сознательно «перевернутые» цитаты из древнееврейских книг очень часто встречаются также и в тексте от автора, и в репликах персонажей. Среди них наиболее распространенными являются: «Да святится Имя Его» [4: 84], «И сказал Господь...», «Миром явится, веселием встречен будет» [4: 195] и другие.

Д.Рубина пишет о том, что в Иерусалиме мифом живут и одновременно на мифологии, связанной с городом, зарабатывают, её буквально эксплуатируя. В романе «Вот идет Мессия!...» упоминается туристическое бюро «Тропой Завета», которое предлагает экскурсии «Тропую Нового Завета», «Возвращение к корням» или «Тропую Ветхого Завета» [4: 33]. В цикле рассказов «Иерусалимцы» в одном из эпизодов читаем об экскурсии:

«Вот плывет зеленая шляпка на даме по прозвищу Халхофа. Когда-то она подрабатывала экскурсоводом, водила туристов, и, представляете, с этим своим акцентом рассказывала о распятии Иисуса. „Халхофа! О, Халхофа!“

– Мовсей, как вам известно, — говорила она, — был вхож на Синайскую хору к самому Господу Боху! Теперь на многих объектах войти стоит денег, а в прошлом хаду я там хуляла безвозмездно... Кругом были свежевырытые пространства. А тепер, видите, - вокруз клумбы, клумбы... розы со всех кончиков нашего мира. Фонтанчики пока безмолвствуют...» [5: 397].

Мифологический пласт городского текста произведений Д.Рубиной «Вот идет Мессия!...» и «Иерусалимцы» тесно связан с передаваемыми автором конфессиональными представлениями героев и аберрацией, наложением их разных векторов в их сознании. Так, воспроизводя один из эпизодов, в котором Зяма смотрит на русского парня, воюющего в израильской армии, Д.Рубина пишет, что её героиня думает: «Ну что ж, <...> мы ведь тоже повоевали за их землю. И ужаснулась – за чью, за „их“? Все смешалось, все перевернулось, Господи...» [4: 26]. Но какой именно Бог имеется в виду – здесь трудно сказать. Как Иерусалим является святым местом для трех мировых религий (в нем находятся «Храм Гроба Господня – величайшая святыня христиан; Западная Стена Храма – величайшая святыня иудеев; Мечеть Омара – величайшая святыня мусульман» - [4: 32]), так и в головах многих живущих в нем разные веры сливаются в нечто единое и в ожидание Машиаха.

Неотъемлемым элементом мифологического пласта в иерусалимском тексте в произведениях «Вот идет Мессия!...» и «Иерусалимцы» является изображение ожидания прихода Мессии и ожидания как такового вообще: нет другого такого города, в котором бы подобное чувство доминировало над всем. В одном из фрагментов романа «Вот идет Мессия!...» автор, характеризуя жителей Иерусалима, пишет:

«Вот что было главным компонентом в этом диком бульоне, что придавало ему вкус неповторимый, подобный вкусу того сказочного супа, в который волшебница добавляла заколдованную травку: нестерпимость вечного ожидания... Возьми любого, на которого упадет взгляд, – все напряженно ждут чего-то. Причем каждый своего: кто-то ждет результата очередной биржевой операции, кто-то всю жизнь с ужасом ждет банкротства, кто-то в тихой упорной уверенности ждет, что его выгонят с работы, кто-то ждет кардинального поворота дел. Левые ждут, что оправдаются и принесут миру тяжелые территориальные, моральные и национальные потери, которые несут евреи в ходе переговоров с арабами. Правые ждут падения правительства. Поселенцы предрекают и ждут неизбежную войну. Ну а весь народ, по своему обыкновению, ждет Мессию...» [4: 67].

Ожидание как таковое является одним из важнейших компонентов иерусалимской мифологии. Много живущих в Израиле евреев убеждено, что время, в которое они живут, – это эпоха прихода Машиаха. Не случайно даже в описываемом в романе «Вот идет Мессия!...» интервью, которое берет политический обозреватель Перец Кравец, в заключении появляется «религиозная тема». Обращаясь к раву Моше Абу-Хацире, «который, как и любой почитаемый всей общиной восточных евреев мудрец, носил еще одно имя: Баба Мотя» [4: 193] и который был известен тем, что предсказывал будущее, он говорит:

«В последнее время обострился спор о приходе Машиаха. Увидим ли мы Мессию в ближайшее время или это дело отдаленного будущего?»

– Мы живем в эпоху Мессии, – отвечал на это многоуважаемый рав Баба Мотя. – Я с огромным уважением относился к покойному Любавическому ребе, он был мудр и свят, но его приближенные, провозгласившие его Мессией, нанесли урон его светлому образу.

– Когда же явится Мессия? Известна ли вам дата?

– Точная дата мне неизвестна, но мы должны надеяться, что он может явиться в любой день» [4: 194-195].

В романе Д.Рубиной «Вот идет Мессия!...» мифологический пласт в представляемом в нем городском тексте связан не только с темой Мессии и его приходом, но и с неотделимой от города мифологией христианской. Последняя актуализируется как в описаниях пейзажа, в природно-ландшафтной сфере, так и в культурных реалиях, в архитектуре, названиях улиц и др. Выше уже упоминалась Оливковая роща, выступающая в тексте одновременно и как элемент пейзажно-ландшафтной характеристики Иерусалима, и как элемент его культурной и мифологической сферы характеристик. Сюда же относятся пейзажные зарисовки, в которых «просвечивает» лик или перст Творца.

Вообще, следует отметить, что почти все пейзажные зарисовки в произведениях Д.Рубиной «Вот идет Мессия!...» и «Иерусалимцы в той или иной степени пронизаны отсылками к мифологии. В одном из эпизодов, когда Саша Рабинович нанимает арабов, чтобы они соорудили ему террасу, читаем, что «араб привел с собой другого, тоже недорогого, с экскаватором. Они удивительно быстро разровняли на склоне под Сашкиными окнами широкую прямоугольную ступень, за считанные часы замостили ее плитками иерусалимского камня, возвели невысокие бортики с нишами для глиняных псевдоантичных амфор... Из ничего, из мечты возникла терраса, живописно нависающая над обрывом; как фуникулер, плыла она навстречу Иерусалиму или отчаливала от причала Масличной горы – в зависимости от направления бегущих облаков.

Эх!!! Сашкина душа пела» [4: 87].

Сашкиной соседкой оказывается энергичная Ангел-Рая, и он сразу сообщает, «что рука об руку с этим гениальным режиссером можно закатывать такие грандиозные шоу, гала-концерты и вселенские оперы в природных декорациях Иудейской пустыни, что – согласно пророчествам – расступятся горы, выйдут потоки из Иерусалима и соберутся в долине Иосафата все народы Земли, и будет их судить Великая Русская алия» [4: 90].

Иерусалим в романе Д.Рубиной «Вот идет Мессия!...» наталкивает героев на мысли о прошлом и будущем. При этом в их размышлениях часто даются отсылки к тем или другим мифам.

Новые эмигранты из СССР нередко чувствуют присутствие в городе какой-то сверхъестественной силы, ее близость. Им, как, например, приехавшей в город тихой жен-

щине Ньюше, это внушает тревогу. «Но постепенно она освоилась, все ж таки Ерусалим, земля Святая, по ней своими ноженьками сам Иисус ходил!» [5: 427].

Даже для объяснения, почему Танька Голая не ощущает стыда от своей наготы, её сравнивают с Евой. Автор пишет:

«Раввин Иешуа Пархомовский, например, объяснял этот феномен тем, что Танькина – по каббалистическим понятиям, совсем новенькая, как свежечеканная на Божьем дворе монетка, – душа по неизвестным обстоятельствам не являлась (как должна была являться) частицей души библейской Евы. Следовательно, в инциденте со съеденным пресловутым яблоком Танька, в отличие от прочих баб, замешана не была. Ну, не была. И стыда наготы не ведала» [4: 201].

Мифологический пласт произведений Д.Рубиной «Вот идет Мессия!...» и «Иерусалимцы» является неотъемлемым элементом их городского текста. Мифология Иерусалима влияет на поведение и мировоззрение всех представляемых автором персонажей. Мифологизированные пейзажи и образы тех, кто считает себя Мессиями, цитаты из древнееврейских источников, мифологемы как бы центрируют весь этот текст на идее пришествия Машиаха, придают ему самому – статус мифа.

Не случайно в конце вмещающей оба произведения книги «Иерусалимский синдром» Д.Рубина пишет:

«Довольно часто я размышляю о возникновении феномена мифа в сознании, в чувствовании человечества. Я не имею в виду культурологический смысл этого понятия. Скорее, мистический. Знаменитые сюжеты, отдельные исторические личности, произведения искусства, города, — вне зависимости от степени известности — могут вознестись до сакральных высот мифа, или остаться в ряду накопленных человечеством земных сокровищ.

Вот Лондон — огромный, имперской славы город. Париж — чарующий, волшебный город! Нью-Йорк — гудящий вавилон, законодатель мод...

Иерусалим — миф...

Миф сокровенный» [5: 430].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров, Часть вторая, Символические пространства // Ю. Лотман, Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. (1968-1992), Искусство—СПБ, Санкт-Петербург 2004.
2. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции „Третий Рим“ в идеологии Петра Первого // Художественный язык средневековья / Отв. ред. В.А.Карпушин, Наука, Москва 1982.
3. Шафранская Э. Ф. Мифопоэтика иноэтнокультурного текста в русской прозе XX-XXI вв., Автореферат диссертации на соискание учен. степени доктора филологических наук, Волгоград 2008.
4. Рубина Д. Вот идет Мессия!... // Д. Рубина, Иерусалимский синдром: Рассказы, Эксмо, Москва 2008.
5. Рубина Д. Иерусалимцы // Д. Рубина, Иерусалимский синдром: Рассказы, Эксмо, Москва 2008.

Стаття надійшла до редакції 06.10.14

М.К. Сміловські, аспірант
Кельце, Польща

МІФОЛОГІЧНИЙ ПЛАСТ В ІЄРУСАЛІМСЬКОМУ ТЕКСТІ ТВОРІВ Д. РУБІНОЇ «ВОТ ИДЕТ МЕССИЯ!...» І «ІЄРУСАЛІМЦЬ»

У статті йдеться про невід'ємний елемент ієрусалимського тексту у творах Д.Рубіної – їх міфологічну складову. Міфологія Ієрусалиму впливає на поведінку і світогляд усіх представлених автором персонажів. Міфологізовані пейзажі і образи тих, хто вважає себе Месією, цитати з давньоєврейських джерел, міфологеми нібито центрують весь цей текст на ідеї пришестья Машиаха, надають йому статус міфу.

Ключові слова: ієрусалимський текст, міський текст, Діна Рубіна, міфологічний пласт.

M. Smilovski, assistant
Celce, Poland

INHERENT ELEMENT OF JERUSALEM TEXT IN D. RUBINA'S WORKS

The article conveys the inherent element of Jerusalem text in D. Rubina's writing works, that is its mythological aspect. Jerusalem's mythology greatly influences actions, views and philosophy of life of all characters presented by the author. Mythologised landscapes and depiction of those who claim to be the Messiah, quoting from ancient sources, mythologems link the whole text at the point of Messiah coming idea.

Key words: Jesrusalem text, text of city, Dina Rubina, mythological sphere.

УДК 821.161.2

О. Слюїна, канд. філол. наук, асист.
ХГУ «НУА», Харків

ШТРИХИ ДО ІНДИВІДУАЛЬНОГО СТИЛЮ І. В. ЖИЛЕНКО

Стаття присвячена розгляду мовних особливостей індивідуального стилю Ірини Володимирівни Жиленко. Зроблена спроба загальної характеристики творчого доробку української письменниці. Описано авторську своєрідність поезії І.В. Жиленко на всіх мовних рівнях: фонетичному, морфологічному, лексичному, синтаксичному. Значну увагу приділено структурно-семантичним та стилістичним особливостям індивідуального стилю письменниці. При аналізі художнього слова акцент зроблено на з'ясуванні характеру поетичних прийомів.

Ключові слова: алітерація, асонанс, епітет, індивідуальний стиль, каламбур, метафора, okazіоналізм, омонім, паронім, паронімічна атракція, парцеляція, символ, телеграфічний стиль.

© О. Слюїна, 2014